

С. И. Межеричкая
(Санкт-Петербургский гос. университет)

“Κακοδαίμονες σοφισταί”? О САМОПРЕЗЕНТАЦИИ СОФИСТОВ В РИМСКОМ МИРЕ

Изучение дошедших до нас текстов, относящихся к литературе Второй Софистики, показывает, что софистическое движение в Римской империи, как и ранее в классической Греции, не было однородным. Значительное расслоение среди софистов касалось не только их общественного статуса, материального положения, профессиональных успехов и пр., но и их самопрезентации, то есть того образа «идеального оратора», которому каждый из них стремился соответствовать в своих речах. Это расслоение еще больше усиливала жестокая конкуренция между софистами за популярность в обществе, материальные блага, признание со стороны римских властей и т. п., а их взаимные претензии и конфликты нередко выливались в затяжные ораторские баталии. Отдельную группу внутри софистического движения составляли так называемые «философствующие» софисты, которые не желали причислять себя к общей ораторской массе, занятой погоней за общественным успехом и благами и забывшей об истинных задачах красноречия. Во многом разделяя взгляды Платона на софистику классической эпохи, они подвергают современных софистов суровой критике, одновременно пропагандируя в своих речах нравственные и философские ценности. Отрицательная характеристика софистов, которую мы встречаем в сочинениях Диона Хрисостома и Элия Аристиды — двух крупнейших греческих ораторов римской эпохи — не оставляет сомнения в том, что Вторая Софистика была весьма сложным и многоплановым литературным и культурным явлением в истории поздней античности.

Ключевые слова: древнегреческое ораторское искусство, античная риторика, Вторая Софистика, самопрезентация, Дион Хрисостом, Элий Аристид.

S. I. Mezheritskaya
(St. Petersburg State University)

“Κακοδαίμονες σοφισταί”? Self-presentation of sophists in the Roman world

A study of the extant texts of the literature of the Second Sophistic shows that the sophistic movement was diverse in its structure, both in the Roman Empire and earlier, in classical Greece. The significant differentiation among the sophists concerned not only their social status, material wealth, professional success, etc., but also their self-presentation.

It was intensified by their fierce competition for popularity in society, recognition by the Roman authorities, etc. Their mutual reproaches and conflicts often resulted in protracted oratory battles. A separate group within the sophistic movement were the so-called “philosophizing” sophists. They did not want to rank themselves among the general crowd of orators, who were chasing social success and benefits and forgetting about the true tasks of eloquence. Sharing Plato’s views on the sophistic of the classical era, they criticize modern sophists, while promoting moral and philosophical values in their speeches. The negative characterization of the sophists that we find in the writings of Dio Chrysostom and Aelius Aristides, two of the greatest Greek orators of the Roman era, leaves no doubt that the Second Sophistic was a very complex and multifaceted literary and cultural phenomenon in the history of late antiquity.

Keywords: ancient Greek oratory, ancient rhetoric, Second Sophistic, self-presentation, Dio Chrysostom, Aelius Aristides.

Относя «Троянскую речь»¹ Диона Хрисостома к раннему, до-философскому периоду его творчества, когда тот еще числился среди софистов, Х. фон Арним в своем труде о жизни и творчестве оратора замечает: «Исходя из обоих мест речи, где о софистах говорится в неблагоприятном смысле (§ 6 и § 14), нельзя заключить, что сам автор, хотя он это говорил, не принадлежал к софистам. Исократ тоже полемизирует с софистами, к которым, тем не менее, сам принадлежит. Вдобавок к этому, упоминание о софистах в § 6, которое звучит особенно недоброжелательно, скорее всего является *позднейшей интерполяцией* (курсив наш — С.М.)» (Arnim 1898: 168). Учитывая весьма важную в данном случае отсылку к Исократу, обратимся к его сочинению, о котором идет речь. В речи «Против софистов» Исократ действительно подвергает критике современных ему софистов, к которым причисляет не только риторов, но и философов² — за легкомысленность суждений и стремление к материальной выгоде в ущерб истинной задаче ораторского искусства, которую он видит в воспитании гражданских добродетелей. Тем самым Исократ очевидным образом противопоставляет себя типичным представителям софистической науки, становясь на позицию защиты риторики от всякого рода проходимцев, ловкачей и псевдоучителей мудрости. Разумеется, Исократ был не одинок в подобных взглядах на

¹ См. о ней подробнее: Mesk 1920–1921: 115–124; Szarmach 1978: 195–202.

² О многозначности слова «софист»: Фролов 2013: 281–282 .

софистику — его речь до известной степени отражает общие настроения в обществе того времени³. Однако значительным здесь является тот факт, что против софистов высказывается, по сути дела, такой же софист.

Этот известный факт вполне мог послужить примером для Диона Хрисостома, посвятившего свою речь тому же предмету, что и его прославленный предшественник⁴. Однако случай Диона требует более обстоятельного рассмотрения, поскольку касается взаимоотношений софистов римского времени, а также проблемы их самопрезентации, которой до недавних пор не уделялось достаточно внимания в исследовательской литературе⁵. Более того, за последние 60–70 лет существенно изменился сам подход к изучению софистической риторики. Осмысление Второй Софики как уникального культурного феномена поздней античности способствовало кардинальному пересмотру и корректировке оценок и выводов, сделанных учеными позапрошлого и первой половины прошлого столетия⁶. Были переизданы, а во многих случаях изданы впервые сочинения отдельных софистов, оснащенные обширным научно-критическим аппаратом, различными индексами и переводами на ведущие европейские языки⁷. Сегодня существует целый ряд фундаментальных научных работ, определяющих большую значимость эпохи Второй Софики как для истории греческого красноречия, так и для римской культуры в целом⁸.

³ Ср.: Xen. Cyn. 13, 6; Aristoph. Nub. 100–115; 358–361; 430–460; 950 sq; Plat. Gorg. 519b etc.

⁴ Т. е. Троянской войне (ср. «Похвалу Елене» Исократ).

⁵ Среди работ последнего времени, посвященных этому предмету, см.: Anderson 1993: 216–233; Glaeson 1995; Korenjak 2000; Gunderson 2000; Trapp 2012: 119–142; Demoen 2012: 207–228; Bowie 2012: 229–252; Korenjak 2012: 253–266.

⁶ Критические высказывания о софистах и более чем скромная оценка их литературного творчества характеризуют целый ряд работ этого периода: Baumgart 1874: 38–39, 42, 63–64; Schmid 1889: 2; Norden 1898: 401–402; Van Groningen 1965: 47 и др.

⁷ См., например: Menschung 1963; Barigazzi 1966; Albin 1968; Behr, Lenz 1976; Behr 1981–1986; Russell 1992; Russel, Trapp, Nesselrath 2016.

⁸ См., в частности: Bowersock 1969; Bowie 1982: 29–59; Walker, Cameron, 1989; Anderson 1993; Schmitz 1997; Goldhill 2001; Borg 2004; Whitmarsh 2005.

Итак, обратимся к указанным пассажам из «Троянской речи», которые привлекли внимание Арнима. В них Дион непосредственно касается предмета своей речи, содержащей критику идущего от Гомера мифа о взятии Трои, а также упоминает о софистах, которым предстоит эту речь услышать:

(1) Προλέγω δὲ ὑμῖν ὅτι τοὺς λόγους τούτους ἀνάγκη καὶ παρ’ ἑτέρους ῥηθῆναι καὶ πολλοὺς πυθέσθαι· τούτων δὲ οἱ μὲν τινες οὐ συνήσουσιν, οἱ δὲ προσποιήσονται καταφρονεῖν, οὐ καταφρονούντες αὐτῶν, οἱ δὲ τινες ἐπιχειρήσουσιν ἐξελέγχειν, μάλιστα δὲ οἶμαι τοὺς κακοδαίμονας σοφιστάς.

‘Я объявляю вам заранее, что эта речь моя непременно будет произнесена и перед другими и многие ее услышат, при этом одни не смогут ее понять, другие будут делать вид, что ни во что ее не ставят, хотя на самом деле не смогут пропустить ее мимо ушей, третьи возьмутся ее опровергать — и особенно рьяно, конечно, незадачливые софисты’ (Пер. Н. В. Брагинской).

(2) ἔτι δὲ οὐκ ἄξιον οἶμαι παριδεῖν οὐδὲ τὸ τῆς Ἑλένης, ἢ τοῦ Διὸς λεγομένη θυγάτηρ διὰ μὲν τὴν ἄδικον φήμην περιβόητος ἐπ’ αἰσχύνη γέγονε, διὰ δὲ τὴν αὐτῆς ἰσχὺν θεὸς ἐνομίσθη παρὰ τοῖς Ἑλλησιν. ἀλλ’ ὅμως ὑπὲρ τηλικούτων ὄντος τοῦ λόγου τινὲς τῶν σοφιστῶν ἀσεβεῖν με φήσουσιν Ὀμήρω ἀντιλεγόντα καὶ ἐπιχειρήσουσιν διαβάλλειν πρὸς τὰ δύστηνα μεράκια, ὧν ἐμοὶ ἐλάττων λόγος ἐστίν ἢ πιθήκων.

‘Кроме того, думаю, не стоит упускать из виду странную долю Елены: считаясь дочерью Зевса, она между эллинов и ославлена несправедливой молвою за бесстыдство, и прославлена собственной мощью как божество. И вот, хотя нынешняя моя речь посвящена столь важным предметам, иные из софистов объявят меня нечестивцем за то, что я спорю с Гомером, и подучат беспомощных юнцов, до которых, впрочем, мне не больше дела, чем до кривляющихся мартышек, клеветать на меня’ (Пер. Н. В. Брагинской).

Как уже было отмечено, главное противоречие в обоих пассажах Арним видит в том, что Дион, сам будучи софистом, уничижительно высказывается о своих собратях по ремеслу. Пример Исократ, весьма удачно приведенный самим ученым, по всей видимости, кажется ему недостаточно убедительным для разрешения этого противоречия, поэтому он обращается к стилистическому и языковому анализу текста. Прежде всего, Арним (Arnim 1898: 169) ставит под сомнение авторство Диона в первом из двух приведенных пассажей, отмечая необычное употребление выражения “*μάλιστα δὲ οἶμαι τοὺς κακοδαίμονας*

σοφιστάς», где по правилам греческой грамматики на месте аккузатива ожидался бы номинатив (в подобных случаях *οἶμαι* обычно употребляется парентетически). Другой возможности — видеть здесь инфинитивную конструкцию с аккузативом, в которой опущен глагол *ἐπιχειρέω*, восстанавливаемый из предыдущей части предложения, мешает, по его мнению, несоответствие такого словоупотребления риторическому стилю. Наконец, третья возможность — связать рассматриваемое выражение с употребленным выше глаголом *πυθέσθαι* (предположив, что мы имеем дело с вероятной ошибкой в рукописи) — справедливо отсекается ученым на основании возникающего при этом смыслового противоречия: выделение софистов из общего числа тех, кому предстоит услышать речь Диона, кажется весьма странным и излишним, так как именно они обычно составляли большую часть публики. Исходя из этих соображений, Арним предлагает рассматривать фразу «*μάλιστα δὲ οἶμαι τοὺς κακοδαίμονας σοφιστάς*» как позднейшую интерполяцию в текст Диона.

По поводу второго пассажа ученый высказывает несколько надуманное предположение, будто под «софистами» здесь подразумеваются лишь школьные учителя риторики, а вовсе не профессиональные софисты. Таким образом Дион якобы подчеркивает свой более высокий статус оратора в сравнении со скромным положением простых учителей, способных лишь выучивать «кривляющихся мартышек» (*δύστηνα μεράκια*): «Если Дион отзывается о них презрительно, это не означает, что сам он не был софистом, но значит лишь, что он не держал школу» (Arnim 1898: 1670). Таким образом, выпад Диона против учителей риторики вполне объясняется его тщеславием, характерным для софистов в целом (Arnim 1898: 169). Однако данное утверждение не может не вызывать недоумения, если принять во внимание, например, свидетельство Филострата (VS I 491) о том, что Фаворин из Арелата «слушал <лекции> Диона, но был так же далек от него, как те, кто не слушал»⁹. Кроме того, странной кажется сама попытка Арнима разделить в данном контексте софистов и риторов¹⁰, при том что многие

⁹ Среди других «слушателей» Диона был и знаменитый смирнский оратор Антоний Полемон, который специально ездил для этого в Вифинию (см.: Philostr. VS. I 539).

¹⁰ Подобная позиция характерна скорее для Элия Аристида, хотя и вызвана совсем другими причинами, о чем будет сказано позже.

софисты имели учеников и материально зависели от успеха своего преподавания (Philost. VS II 527; 590; 600; 606; 615 etc.).

Однако вернемся к первому пассажи Диона и, оставив до времени в стороне стилистический анализ текста, обратимся непосредственно к выражению “κακοδαίμονες σοφισταί” (‘злополучные софисты’). Подобная характеристика софистов из уст самого софиста действительно может показаться необычной, но лишь в том случае, если рассматривать последних как некое однородное сообщество людей, объединенных профессиональной деятельностью и более или менее сходным образом жизни. Однако такой обобщенный взгляд базируется исключительно на формальных признаках и не учитывает определенной дифференциации внутри самого софистического движения. Более того, он дает некоторое основание для критики Второй Софистики в духе Платона, который в диалоге «Горгий», как известно, положил начало полемике с софистами, обвинив риторику¹¹ в безразличии к истине и уподобив ее поварскому искусству (Plat. Gorg. 462d–465e). Со времени Платона дискуссия между философами и риториками не утихала на протяжении многих веков (см.: Arnim 1898: 4–114; Stanton 1973: 350–364; Vickers 1988: 83–213; Anderson 1993: 133–143), особенно же обострилась она в эпоху расцвета Второй Софистики. Софисты второй волны считали себя продолжателями традиций Горгия, Исократы и других ораторов древности и широко пользовались выработанными ими риторическими приемами и средствами. Как и их предшественники, софисты римской эпохи содержали риторические школы, взимали немалую плату за обучение, странствовали с лекциями по городам, выступали с речами и декламациями, участвовали в ораторских состязаниях и т. п. При этом, несмотря на свой высокий социальный статус и огромную популярность (см.: Bowersock 1969: 23 ff.), они подвергались жесткой критике со стороны философов. К старым платоновским обвинениям в адрес софистов и риториков прибавились новые — тривиальность тематики их речей, стремление выступать без подготовки (*ex tempore*), внимание к форме в ущерб содержанию, эксцентричная манера поведения, любовь к почету и роскоши и т. п. (ср.: Luc. Rhet. praec.).

И всё же корпорация софистов не была единой и однородной по своему составу. Существовавшая в ней внут-

¹¹ У Платона слова «софист» и «ритор» являются синонимами (см.: Gorg. 520a–b).

ренняя иерархия неизбежно приводила к тому, что некоторые софисты заметно выделялись среди остальных своим происхождением, имущественным положением, ораторской славой, общественным влиянием и пр. Флавий Филострат дает об этом ясное представление, создавая обширную галерею портретов софистов I–III вв. н. э., большинство сочинений и имен которых нам сегодня не известны. Так, об одних софистах — наиболее влиятельных и значимых — он говорит весьма подробно (ср., биографии Скопелиана (VS I 514–521), Антония Полемона (VS II 530–544), Герода Аттика (Ibid. 545–566), Александра из Селевкии (Ibid. 570–576) и пр.), другим уделяет всего несколько строк. Характерно, что, будучи сам софистом, Филострат нигде не употребляет слово «софист» в негативном смысле или в сочетании с пейоративной лексикой, как в упомянутом выше пассаже Диона. Тон его изложения — даже по отношению к малозначительным или не слишком хорошо зарекомендовавшим себя софистам — вполне нейтрален и беспристрастен. То же самое наблюдается и в тех случаях, когда кто-то из персонажей Филострата высказывается о других софистах (ср., например, слова Александра из Селевкии, обращенные к Героду: «О, Герод, все мы, софисты, — лишь крохи от твоего пира»¹² (Ibid. 574)). Единственным исключением во всем сочинении является, пожалуй, случай Вара Лаодикейского, который, по мнению Филострата, не достоин упоминаться среди софистов, ибо он «пошл, пуст и глуп, а ежели имел какое сладкогласие, осквернил его завываниями, под которые иной бесстыдник мог бы и сплясать»¹³ (Ibid. 620).

Тем не менее, употребление слова «софист» в негативном смысле вполне соответствует ораторской традиции, идущей, как уже было отмечено, еще от Исократы. Эпоха Второй Софистики в этом отношении не является исключением. И хотя от большинства сочинений ее представителей до нас ничего не сохранилось, мы располагаем, наряду с речами Диона, обширным корпусом сочинений другого знаменитого софиста — Элия Аристида (117–180/81). Несмотря на свою принадлежность к

¹² Аллюзия на знаменитые слова Эсхила о Гомере (см.: Athen. VIII 347e).

¹³ Пер. Е. Г. Рабинович. Сравнение софистов, злоупотребляющих мимикой, жестикуляцией и произнесением речей нараспев, с танцорами, встречается и у Аристида — в речи «Против тех, кто уподобляется плясунам (XXXIV K).

софистам, Аристид не только отказывался носить титул «софист», предпочитая вместо этого именоваться просто риторм, но и часто негативно высказывался о собратях по ремеслу, упорно не желая относиться к их числу (см.: Stanton 1973: 355; Whitmarsh 2005: 18–19). Причина подобной неприязни оратора к современным софистам кроется, как кажется, в глубоком почитании им философии и особенно Платона¹⁴, который, наряду с Демосфеном и Исократом, являлся главным стилистическим образцом аттицизма. Стремясь преодолеть тяготившее его противоречие между любовью к творчеству философа¹⁵ и желанием защитить риторику от его нападков, Аристид написал три внушительные по объему апологетические речи: «К Платону, об ораторском искусстве» (Πρὸς Πλάτωνα περὶ ῥητορικῆς), «К Капитону» (Πρὸς Καπίτωνα) и «К Платону, в защиту четырех» (Πρὸς Πλάτωνα ὑπὲρ τῶν τεττάρων)¹⁶.

В первой из них Аристид разворачивает сложную систему логической аргументации, доказывая ошибочность взглядов Платона на риторику как на растлительницу морали путем обнаружения ошибок и противоречий в самих сочинениях философа. В ней Аристид крайне пренебрежительно отзываясь о софистах — своих современниках, которые, по его мнению, позорят подлинное ораторское искусство. Стремясь оправдать риторику в глазах философов, Аристид резко противопостав-

¹⁴ Учитель Аристида, грамматик Александр из Котия, составлял комментарии к Платону и, по всей видимости, сумел привить юноше любовь к его сочинениям. Кроме того, в Пергаме Аристид изучал философию под руководством платоника Гая, а в Афинах — Луция, друга Герода Аттика и ученика Мусония Руфа (см.: Philostr. VS II 556–557). По всей видимости, известный фрагмент сочинения последнего дошел до нас именно в его передаче (имя Луция упоминается в латинском названии этого фрагмента). О своем обучении у философов, благодаря которым он приобрел глубокие познания в философии, Аристид говорит в третьей «платонической» речи, называя их «приемными отцами» (см.: III 690 D).

¹⁵ Об этом говорит и тот факт, что по количеству цитат и аллюзий в сочинениях Аристида Платон занимает первое место. Любовь оратора к Платону заметна также в автобиографических «Священных речах», где имя Платона упоминается довольно часто (см.: L 19; 55–57; LI 58; 62–63).

¹⁶ См. о них специально: Flinterman 2000–2001: 32–54; Trapp 2020: 85–113.

ляет ее софистике с точки зрения методов, целей и задач, подвергнутых в сочинениях Платона суровой критике. Вторая речь является возражением на критику, которую вызвала в философских кругах первая «платоническая» речь Аристида; она написана в форме письма к платонику Сексту Юлию Капитону, жрецу храма Асклепия в Пергаме. Третья речь представляет собой апологию четырех крупнейших политических деятелей и ораторов Греции – Перикла, Кимона, Мильтиада и Фемистокла, обвиненных Платоном в том, что они якобы развратили афинян своим красноречием и плохо управляли государством. Апология строится в форме последовательно сменяющих друг друга энкомиев каждому из упомянутых персонажей и заканчивается общим панегириком, где вновь встречаются аргументы Аристида в защиту риторики, отчасти уже известные читателю по первым двум «платоническим» речам¹⁷.

Среди прочих сочинений Аристида, затрагивающих данную проблематику, обращают на себя внимание две полемические речи: «Против тех, кто уподобляется плясунам» (*Κατὰ τῶν ἐξορχουμένων*) и «К обвиняющим его в том, что он не выступает с речами» (*Πρὸς τοὺς αἰτιωμένους ὅτι μὴ μελετῶν*). В первой оратор обвиняет софистов в том, что, следуя низкому вкусу своих слушателей, они забыли об истинных задачах ораторского искусства и, подобно танцорам и мимическим актерам, стремятся лишь к эффектности своих выступлений. Здесь мы вновь встречаем аллюзию на Платона, в частности, на его учение о благе и красоте, на котором основана значительная часть аргументации речи:

δεῖ γὰρ, οἶμαι, κάλλει μὲν χάριν εἶναι, χάριτος δὲ ἔρωτα ἐξηρτῆσθαι. ὅτῳ γὰρ ἄν τις χαίρη, τοῦτ' ἀνάγκη ποθεῖν. διὸ τῶν μὲν αἰσχροῶν οὐ φασιν ἔρωτα εἶναι, τῶν δὲ καλῶν κὰν θεοῖς εἶναι ποιηταὶ λέγουσιν. οὕτω τοίνυν καὶ τὸ τῶν λόγων κάλλος μετὰ τῆς ἀπάσης φύσεως καὶ τοῦτ' ἔχει, κηλεῖν τοὺς ἀκούοντας. ὥστ' οὐχ ὑπὲρ τοῦ πείθειν τὰ χεῖρω δεῖ λέγειν, ἀλλὰ πειρατέον ὡς κάλλιστα λέγειν, ἵν' ὡς πλείστους ἄγοιμεν. ὥσπερ γὰρ τῶν ἐπιδῶν αἱ κράτισται μάλιστα ἄγειν πεφύκασιν, οὕτως οἱ κράτιστοι τῶν λόγων μάλιστα πείθειν πεφύκασιν.

‘Ведь красоте, полагаю, присуще удовольствие, а удовольствие пробуждает любовь. Ибо всякий жаждет того, что доставляет ему удовольствие. Отсюда, говорят, “любви к безобразному не

¹⁷ О софистах, недостойных называться риториками, см.: III 691 D.

бывает”¹⁸, красота же, напротив, согласно пиитам, любезна богам. Равно и красота речей обладает по природе подобною силою — чаровать слушателей. А посему не для того, чтобы убеждать в дурном, потребны речи, но для того, чтобы стремиться говорить лишь хорошее и увлекать как можно больше людей. Ибо как искуснейшие маги сильнее всего обольщают, так и искуснейшие речи сильнее всего убеждают,¹⁹ (XXXIV 25–26 K).

И далее:

Καὶ μὴν εἰ μὲν ἄλλου τοῦ χάριν ὁ λόγος εὐρέθη, μὴ τοῦ πείθειν, ἴσως ἂν τις ἀμφισβήτησις ἦν· ὅτε δ' ἐστὶν εὐδηλον ὡς ἐφ' ἐν τοῦτο ἅπανα ἢ τῆς λογικῆς δυνάμεως ἕξις ὠρμηται, δυοῖν ἀνάγκη δὴ πού θάτερον, ἢ μὴ ὀρθῶς ἔχειν μὴδ' ἰκανῶς τὸν λόγον, ἢ ὁμοῦ βέλτιστόν τε εἶναι καὶ κρατεῖν τῶν ἀκουόντων. ὥστ' οὐδὲν δεῖ διαφθεῖρειν αὐτὸν ὑπὲρ τοῦ κρατεῖν, ἀλλ' ὥσπερ τὰ μηχανήματα αἰρεῖν πέφυκε, κἂν μηδεὶς εἰδῆ τῶν ἐναντίων ἐξ ὅτων καὶ ὅπως συνετέθη, οὕτω λόγος εὖ συντεθεὶς τὸ αὐτοῦ δρᾶ, κἂν τοῖς ἀπειροτάτοις ἐντύχη.

‘Ежели бы сие искусство изобрели для другого дела, а не для того, чтобы убеждать посредством оногo, было бы еще возможно о чем-то спорить. Но когда очевидно, что вся сила слова обращена единственно к этому, следует одно из двух: либо слово лживо и бессильно, либо оно — благо и имеет власть над слушателями. И стало быть, нет нужды губить его ради сей власти, ибо как осадные машины служат для захвата городов, даже когда никто из врагов не ведает, как и из чего они соделаны, так и ладно сложенная речь достигает своего, даже когда говорится перед неискушенными слушателями’ (Ibid. 33 K).

Это рассуждение Аристидида со всей очевидностью отсылает нас к «Горгию» Платона (см.: Plat. Gorg. 502d–504e). Противопоставляя же себя софистам, которые своей несдержанностью в речах напоминают пьяниц (XXXIV 18 K), Аристид в то же время ведет скрытую полемику с самим Платоном, опровергая его слова о стремлении риторики льстить и угождать слушателям:

ἔστιν οὖν ὅ τι πρότε πρὸς χάριν ἡμεῖς εἶπομεν τῶν ἀκροατῶν; οὐδὲ γρῦ. καίτοι πολλὰ καὶ παντοῖα. μόνοι γὰρ τῶν πρότε ἀψαμένων λόγων εὐχόμεθα, ὅπερ μετριώτατον εἰπεῖν, ὅποσα ἐστὶ καὶ νομίζεται περὶ λόγους ἀγαθὰ εἰς μίαν δύναμιν κατακλείσαντες δεικνύναи μεθ’

¹⁸ См.: Plat. Symp. 201a.

¹⁹ Здесь и далее отрывки из речей Аристидида даны в переводе автора статьи.

ὑπερβολῆς. οὕτως ἐγώ. καὶ οὐδ' ὅτιοῦν φαίην ἂν χαρίζεσθαι καὶ οὐδὲν ὅ τι οὐ χαρίζεσθαι, ἀνθ' ὧν εἰκότως τὰ προσήκοντα χαρίζομαι.

‘Кроме того, разве произнесли мы однажды хоть слово в угоду слушателям? Ничуть! А говорили мы много разного. Понеже из всех, когда-либо причастных к искусству речей, мы одни по праву гордимся тем (и сие весьма слабо сказано), что, сохранив верность лишь силе слова, в полной мере показали всю пользу, каковою, по мнению многих, обладает красноречие. В том я ручаюсь. Пожалуй, я даже скажу, что ни в чем не угождаю, и вместе с тем нет ничего, в чем бы я не угождал, когда сия угода касается достодолжного’ (Ibid. 43 К).

Речь «К обвиняющим его в том, что он не выступает с речами» написана в оправдание длительного перерыва в ораторской практике, вызванного продолжительной болезнью Аристиды, и по тону и содержанию напоминает «платонические» сочинения оратора. Речь строится отчасти как собственная апология, отчасти как инвектива в адрес софистов, которых Аристид вновь обвиняет в том, что те, угождая во всем вкусам толпы, «порочат славу ораторского искусства» (XXXIII 13 К): их пустым декламациям вроде похвалы принятию ванн, стремлению к зрелищности выступлений и погоне за популярностью он противопоставляет собственные речи, работа над которыми занимает весь его досуг (Ibid. 20 К). Лишенный возможности из-за болезни вести регулярную ораторскую практику и иметь учеников, Аристид негативно отзывается о своих собратьях по ремеслу, всегда готовых говорить по любому поводу и на любую тему:

Ἐγὼ τοίνυν θεῶν εὐμενῶν ὄντων τοὺς μὲν κατ' αὐτοὺς τοὺς λόγους ἀγῶνας οὐ σφόδρα φήσαιμι' ἂν δεδιέναι, δέδοικα δὲ τοὺς δεινοὺς ἀνταγωνιστάς. εἶπω τίνας; τοὺς λίπα ἀηλιμμένους τουτουσί καὶ τὸν φοίνικα περικομίζοντας, οὐκ εἰς ἀκροάσεις μὰ Δία ῥητόρων συγκαλοῦντας.. <...> ὅταν οὖν ἐτέρωθεν μὲν ὁ ῥήτωρ ἀγωνιούμενος εἰσίη, ἐτέρωθεν δὲ ὁ ῥέμβος ὑμῖν ἀμφιθαλῆς ἦκη τὰ τοιαῦτα ὑπισχνούμενος, εἰκότως, οἶμαι, συμβαίνει τὴν νίκην ἐκείνου τοῦ μέρους γίνεσθαι, καὶ μήτε πρεσβύτερον μηδένα μήτε νεώτερον ῥαδίως ἐθέλειν σωφρονεῖν.

‘И покуда боги к нам благосклонны, я, признаться, не слишком страшусь самих состязаний в речах, а вот противников своих сноровистых опасуюсь. Сказать вам каких? А таких, что, густо

умастившись маслом²⁰, носят с собою повсюду пальмовые листья²¹, на риторские же чтения, клянусь Зевсом, не созывают. <...> И коли, с одной стороны, вступит в состязание ритор, а с другой — явится бродяга с пышной листвою и этакими посулами, то, без сомнения, победу стяжает последний, и нелегко будет убедить стар и млад почитать скромность’ (Ibid. 27–28 K).

К упомянутым сочинениям, в которых Аристид дает софистам подобную нелестную характеристику, примыкает речь «К городам о согласии» (Περὶ ὁμονοίας ταῖς πόλεσιν), написанная на глубоко волновавшую оратора и актуальную для того времени тему конкуренции между тремя крупнейшими городами — Эфесом, Пергамом и Смирной — за превосходство и культурное влияние в Азии. Здесь Аристид примеряет на себя роль Исократ в «Панегирике», призывая к единству эллинов, проповедуя взаимное согласие и восхваляя блага мирной жизни под римской властью. Примечательно, что свою речь Аристид также начинает с критики софистов, которые предпочитают «благородным и подобающим для речей темам» бесполезные споры или фиктивные декламации, которые «так же далеки от задач риторики, как если бы вовсе не имели к ней отношения» (XXIII 1 K).

В заключение обзора речей Аристида еще раз сошлемся на Филострата. В своем труде о софистах он приводит один характерный эпизод из жизни этого оратора, в подлинности которого мы не можем быть полностью уверены, но который хорошо согласуется с приведенным выше высказываниями оратора о софистах. Согласно Филострату (VS II 582–583), во время пребывания в Смирне Марка Аврелия Аристид, получив от него приглашение выступить с речью, потребовал день на подготовку, желая тем самым показать, что он не из тех софистов, что всегда готовы говорить на любую тему: “οὐ γὰρ ἔσμεν τῶν ἐμοῦντων, ἀλλὰ τῶν ἀκριβοῦντων” (‘Ибо мы не из тех, кто изрыгает [слова], а из тех, кто тщательно выбирает’). Марк Аврелий удовлетворил просьбу оратора, и на следующий день тот выступил столь блестяще, что на долгие годы удостоился особого расположения императора.

²⁰ Аллюзия на атлетов.

²¹ Как символ победы в риторических состязаниях (ср.: Luc. Rhet. праес. 25).

Непримиримая позиция Элия Аристида по отношению к софистам служит, на наш взгляд, прямой параллелью к приведенному выше высказыванию Диона Хрисостома, ясно демонстрирующему неприязнь этого оратора к названной части своей аудитории. В пользу данной точки зрения свидетельствует и тот факт, что само выражение “οἱ κακοδαίμονες σοφισταί” (‘злополучные софисты’), перекликающееся с аристидовским “οἱ δεΐλαιοι σοφισταί” (‘несчастные софисты’) (L 95 K), встречается в других речах Диона. Ср., в частности:

καὶ σύ, ἐπεὶπερ οὕτω πέφυκας, ἐὰν τύχῃς ἐπισταμένου ἀνδρός, ἰκανὴ σοί ἐστι μία ἡμέρα πρὸς τὸ συνιδεῖν τὸ πρᾶγμα καὶ τὴν τέχνην, καὶ οὐδὲν ἔτι δεήσει ποικίλων σοφισμάτων ἢ λόγων· ἐὰν δὲ μὴ τύχῃς διδασκάλου τοῦ Διὸς ἢ ἄλλου τοιοῦτου, ταχὺ καὶ σαφῶς φράζοντος ἃ δεῖ ποιεῖν, οὐδὲν σοι πλεόν, οὐδὲ ἂν ὅλον κατατρίψῃς τὸν βίον ἀγρυπνῶν τε καὶ ἀσιτῶν παρὰ τοῖς κακοδαίμοσι σοφισταῖς (IV 38–39).

‘И ты, коли ты таковым родился, ежели встретится тебе ученый муж, то одного дня будет довольно, дабы узнать его деяния и искусство, и не будет у тебя более нужды в хитрых уловках и рассуждениях; а ежели не попадетя тебе в наставники Зевс или ему подобный, каковой быстро и ясно научит, что от тебя требуется, ничего [из оногo] у тебя не будет, хоть всю жизнь проведи, бессонный и голодный, среди злополучных софистов’ (Пер. автора статьи).

καὶ δὴ καὶ τότε ἦν περὶ τὸν νεῶν τοῦ Ποσειδῶνος ἀκούειν πολλῶν μὲν σοφιστῶν κακοδαιμόνων βοῶντων καὶ λοιδορουμένων ἀλλήλοις, καὶ τῶν λεγομένων μαθητῶν ἄλλου ἄλλῳ μαχομένων, πολλῶν δὲ συγγραφέων ἀναγιγνωσκόντων ἀναίσθητα συγγράμματα, πολλῶν δὲ ποιητῶν ποιήματα ἀδόντων, καὶ τούτους ἐπαινούντων ἐτέρων, πολλῶν δὲ θαυματοποιῶν θαύματα ἐπιδεικνύντων, πολλῶν δὲ τερατοσκόπων τέρατα κρινόντων, μυρίων δὲ ῥητόρων δίκας στρεφόντων, οὐκ ὀλίγων δὲ καπήλων διακαπηλευόντων ὃ, τι τύχοιεν ἕκαστος (VIII 9–10).

‘Ибо то было время, когда можно было услышать, как толпа злополучных софистов, крича и ругая друг друга, рассуждала о храме Посейдона, и те, что зовутся их учениками, сражались один на один; а множество сочинителей читало бессмысленные книги; а множество пиитов пело свои поэмы, а другие их расхваливали; а множество фокусников показывало фокусы; а ватага предсказателей изрекала предсказания; а полчища риториков попирали справедливость; и мало кто из торговцев не торговал чем придется’ (Пер. автора статьи).

Дион почти всегда использует термин «софист» в уничижительном смысле и никогда — в положительном (см.: Whitmarsh 2005: 17). Во многих его речах софисты упоминаются в одном ряду со льстецами, демагогами, шарлатанами и даже евнухами (ср., в частности: XXXII 12; IV 35–36; 132; XXXIX 3 etc.). Кроме того, слову «софист» в них часто сопутствуют такие эпитеты, как «невежественный» (ἀγνοῶν), «крикливый» (ἀλαζών) «наглый» (ἀναιδής) и т. п. Так, в речи «О Гомере и Сократе», представляющей собой фиктивный диалог между учителем риторики и его учеником, Дион (в диалоге — учитель), сравнивая последних с софистами, замечает: “οὐδέτερος γὰρ αὐτοῖν ἀλαζών ἢν οὐδὲ ἀναιδής, ὥσπερ οἱ ἀμαθέστατοι τῶν σοφιστῶν” (‘Не был никто из них ни крикливым, ни дерзким, как невежественные софисты’)²².

Таким образом, второй из дискутируемых пассажей «Гроянской речи» Диона, где оратор говорит о софистах уничижительно, не представляет собой ничего странного, в то время как гипотеза Арнима о том, что под «софистами» следует понимать школьных учителей риторики, напротив, кажется совершенно необоснованной. Более того, она мало согласуется с замечанием самого же ученого о тщеславии Диона, которое якобы демонстрируется оратором в сравнении учеников риторических школ с мартышками. Если бы речь действительно шла о школьных учителях, которые, разумеется, не представляли для Диона никакой опасности и над которыми, согласно Арниму, он демонстрирует явное превосходство, едва ли он вообще стал бы о них упоминать, не говоря уже о столь резкой критике риториков, заведомо уступающих ему в ораторском мастерстве²³. Напротив, тот факт, что среди его аудитории неизбежно окажутся софисты — недоброжелатели и прямые конкуренты оратора, которые будут всячески критиковать произносимую им речь, не вызывает у Диона ни малейшего сомнения, о чем он считает нелишним заранее предупредить слушателей. И делает он это дважды (§ 6 и § 14), предвосхищая тем самым возражения потенциальных оппонентов. Точно также Аристид в проэмии к речи «К городам о согласии», стремясь подчеркнуть важность того, что ему предстоит сказать, противопоставляет себя софистам, которые, по его словам, «проводят время ... в спорах или баламутя тех, кто приходит их послушать, чем

²² См. другие примеры: Stanton 1973: 354.

²³ О софистах как высшей касте среди риториков см.: Anderson 1993: 22 ff.

только понапрасну смущают слушателей, ибо ни сами не кажутся лучше, ни других улучшить не способны» (XXIII 1 К).

Необходимо коснуться и отмеченного Арнимом необычного употребления глагола οἶμαι в первом из приведенных пассажей «Троянской речи». В случаях, где имеет место простое перечисление, глагол οἶμαι, как справедливо указывает ученый, употребляется обычно парентетически²⁴, поэтому мы были бы в праве ожидать после него номинатива. Появление же аккузатива заставляет видеть здесь инфинитивную конструкцию, зависящую от подразумеваемого глагола ἐπιχειρεῖν [ἐξελέγχειν]), против чего, однако, возражает Арним, ссылаясь на несоответствие такого словоупотребления риторическому стилю. Действительно, ни у одного из аттических ораторов подобного примера не встречается, да и в целом в греческой литературе классической эпохи оно довольно редко, что объясняется, по всей видимости, его разговорным характером. Лишь несколько случаев употребления эллиптической конструкции с аккузативом после οἶμαι — как правило, в сочетании с частицей δέ и союзом καί (реже с одним δέ) — встретилось нам в диалогах Платона и один случай — в «Пире» Ксенофонта (Xen. Symp. 8, 7). Ср., в частности:

Ἄλλ' ἴσως οὐδέν ἔσται, ὃ Σώκρατες, πρᾶγμα, ἀλλὰ σύ τε κατὰ νοῦν ἀγωνιῇ τὴν δίκην, οἶμαι δὲ καὶ ἐμὲ τὴν ἐμήν (Plat. Euth. 3e).

‘Скорее всего, мой Сократ, это ничем серьезным не кончится, и ты успешно выиграешь свою тяжбу, как и я, полагаю, свою’ (Пер. С. Я. Шейнман–Топштейн).

ταῦτα ἐγὼ σοι οὐ πείθομαι, ὃ Μέλητε, οἶμαι δὲ οὐδὲ ἄλλον ἀνθρώπων οὐδένα· ἀλλ' ἢ οὐ διαφθείρω, ἢ εἰ διαφθείρω, ἄκων, ὥστε σύ γε κατ' ἀμφοτέρα ψεύδη (Plat. Apol. Socr. 25e).

‘В этом я тебе не поверю, Мелет, да и никто другой, я думаю, не поверит. Но или я не порчу, или если порчу, то ненамеренно; таким образом, у тебя-то выходит ложь в обоих случаях’ (Пер. М. С. Соловьева).

Ἐγὼ μὲν, ὃ Λυσίμαχε καὶ Μελησία, ἐπαινῶ τε ὑμῶν τὴν διάνοιαν καὶ κοινωνεῖν ἔτοιμος, οἶμαι δὲ καὶ Λάχητα τόνδε (Plat. Lach. 180a).

²⁴ См. примеры такого употребления у Диона Хрисостома: Koolmeister, Tallmeister 1981: 308–309.

‘(Νικий) Я со своей стороны, Лисимах и Мелесий, одобряю ваш замысел и готов в нем участвовать; думаю, что и Лахет также’ (Пер. С. Я. Шейнман-Топштейн).

νῦν μέντοι, ὥσπερ ὠρμήσαμεν, ἴωμεν καὶ ἀκούσωμεν τοῦ ἀνδρός, ἔπειτα ἀκούσαντες καὶ ἄλλοις ἀνακοινωσώμεθα· καὶ γὰρ οὐ μόνος Πρωταγόρας αὐτόθι ἐστίν, ἀλλὰ καὶ Ἴππίας ὁ Ἡλεῖος — οἶμαι δὲ καὶ Πρόδικον τὸν Κεῖον — καὶ ἄλλοι πολλοὶ καὶ σοφοί (Plat. Protag. 314c).

‘А теперь пойдём, как мы собирались, и послушаем того человека; послушавши же его, и с другими побеседуем: Протагор ведь там не один, с ним и Гиппий Элидский, и, думаю, Продик Кеосский, да и много ещё других мудрецов’ (Пер. Вл. С. Соловьева).

Σύμφημί σοι, ἔφη, ἐξ ὧν διεληλύθαμεν· οἶμαι δὲ καὶ ἄλλον ὄντινοῦν (Plat. Resp. 608b).

‘Я поддерживаю тебя на основании того, что мы разобрали. Думаю, что и всякий другой <тебя поддержит>, кто бы он ни был’ (Пер. А. Н. Егунова).

Однако у поздних греческих авторов подобная конструкция несколько раз появляется и в риторических текстах — в частности, у Лукиана, Либания и Гимерия [см. TLG]:

(ΑΧΙΛΛΕΥΣ) Ἐταιρικὴ μὲν ἢ παραίνεσις, ἐμὲ δὲ οὐκ οἶδ' ὅπως ἢ μνήμη τῶν παρὰ τὸν βίον ἀνιᾶ, οἶμαι δὲ καὶ ὑμῶν ἕκαστον (Luc. Dial. mort. 26, 4).

‘Ты меня утешаешь по-дружески, меня же не знаю как удручает воспоминание о жизни; думаю, и всех вас’ (Пер. автора статьи).

καὶ ὅστις οἶδεν ἀκριβῶς τὰ ἡμέτερα, πολλοὺς δὲ οἶμαι, καὶ τὴν σπουδὴν οὗτος ἐπαινεῖ τὴν ἐμήν (Liban. Declam. XXXIX 20).

‘И кто хорошо знает наши речи, — я думаю, и многие — тот похвалит мое усердие’ (Пер. автора статьи).

Ἴσοκράτης ὁ σοφιστής — γνώριμον δὲ ἅλασιν οἶμαι μετὰ τῶν λόγων καὶ τοῦνομα, ὅτι δι' ἐκεῖνον σοφιστῶν γλῶττα τὰς ποιητικὰς ἀτιμάσασα οἰκεῖον νόμον ἠσπάσατο — λόγῳ μὲν ἀεὶ τοῖς λόγων ἐρῶσι τὰ βασιλεία τῶν ἑαυτοῦ μουσείων ἀνεπετάνν[υεν]. (Himer. Or. XXXIII)

‘Софист Исократ, всем, я думаю, известный благодаря своим речам и своему имени, потому что от него язык софистов, ослабив достоинство поэзии, обрел право на существование —

своей речью он навсегда подчинил поклонников красноречия своему искусству' (Пер. автора статьи).

Засвидетельствованные нами у поздних ораторов случаи употребления конструкции с аккузативом вместо номинатива после οἴμαι, а также тот факт, что выражение “οἱ *κακοδαίμονες σοφισταί*” встречается и в других речах Диона, не позволяют согласиться с гипотезой Арнима о том, что в указанном пассаже из «Троянской речи» мы имеем дело с позднейшей интерполяцией. Если же принять во внимание, что негативные высказывания о софистах — вообще не редкость в сочинениях Диона (как раннего, риторического, так и позднейшего, философского периодов), то оба приведенных выше пассажа следует, на наш взгляд, рассматривать как квинтэссенцию его взглядов на современных софистов и, более того, как своего рода самопрезентацию оратора.

Отрицательная характеристика софистов, которую мы встречаем в сочинениях Диона Хрисостома и Элия Аристида — двух крупнейших греческих ораторов римской эпохи, убедительно показывает, что Вторая Софистика представляла собой гораздо более сложное в литературном и социально-культурном отношении явление, чем может показаться на первый взгляд. Фрагментарность наших сведений о софистической литературе этого периода, обусловленная, главным образом, отсутствием текстов самих софистов, не отменяет того факта, что софистическое движение в Римской империи, как и ранее в классической Греции, не было однородным. Более того, жестокая конкуренция между софистами, их взаимные претензии и конфликты, часто выливавшиеся в затяжные ораторские баталии²⁵, в известной степени напоминали непростые взаимоотношения между философами и риториками, о которых нам известно гораздо лучше. Значительное расслоение среди софистов касалось не только их общественного статуса, материального положения, профессиональных успехов и пр., о чем упоминает Филострат, но и их самопрезентации, то есть того образа оратора, которому каждый из них хотел соответствовать. Некоторое представление об этом дают дошедшие до нас сочинения Диона Хрисостома и Элия Аристида, и здесь мы приходим к крайне интересным выводам. Свойственное обоим любовь к философии и желание отмежеваться от толпы

²⁵ См. о ссоре Тимократа и Скопрелиана (Philostr. VS I 536), Полемона и Фаворина (Ibid. 49–491) и т. д.

обычных софистов заставили каждого из них идти собственным путем: Дион в итоге оставил софистическую риторику ради философии²⁶, а Аристид сделал борьбу с софистами одной из главных тем своего творчества.

Литература

- Albini, U. 1968 (ed.): *Erode Attico. Περί πολιτείας*. Firenze.
- Anderson, G. 1993: *The Second Sophistic. A cultural phenomenon in the Roman Empire*. London.
- Arnim, H. von. 1898: *Leben und Werke des Dio von Prusa*. Berlin.
- Barigazzi, A. (ed.) 1966: *Favorino di Arelate. Opere*. Firenze.
- Baumgart, H. 1874: *Aelius Aristides als Repräsentant der sophistischen Rhetorik des zweiten Jahrhunderts der Kaiserzeit*. Leipzig.
- Behr, C. A. (ed.) 1981–1986: *P. Aelius Aristides. The complete works*. Vol. 1–2. Leiden.
- Behr, C. A., Lenz, F. W. (eds.) 1976: *P. Aelii Aristidis Opera quae extant omnia. Orationes I–XVI*. Leiden.
- Borg, B. E. (ed.) 2004: *Paideia: The world of the Second Sophistic*. Berlin.
- Bowersock, G. W. 1969: *Greek sophists in the Roman Empire*. Oxford.
- Bowie, E. L. 1982: The importance of the sophists. *Yale Classical Studies*. 27, 29–59.
- Bowie, E.L. 2012: The philotimia of Aristides. In: G. Roskam, M. de Pourco and L. van der Stockt (eds.). *The lash of the ambition: Plutarch, imperial Greek literature and dynamics of philotimia*. Louvain; Namur; Paris; Walpole, 229–252.
- Brancacci, A. 1977: Le orazioni diogeniane di Dione Crisostomo. In: G. Giannantoni (ed.). *Scuole socratiche minori e filosofia ellenistica*. Bologna, 141–171.
- Brancacci, A. 1985: *Rhetorice philosophusa: Dione Crisostomo nella cultura antica e bizantina*. Naples.
- Demoen, K. 2012: Rivalry and envy, rehabilitation and self-promotion: Philotimia in Flavius Philostratus. In: G. Roskam, M. de Pourco and L. van der Stockt (ed.). *The lash of the ambition: Plutarch, imperial Greek literature and dynamics of philotimia*. Louvain; Namur; Paris; Walpole, 207–228.

²⁶ После высылки из Рима по указу Домициана Дион на протяжении четырнадцати лет вел жизнь бродячего философа-киника, зарабатывая на жизнь тяжелым физическим трудом и время от времени выступая с речами-диалогами на морально-философские и социально-политические темы (диатрибами), см.: Нахов 1976: 46–104; Лосев 1979: 179–191; Brancacci 1977: 141–171; Szarmach 1977: 77–90; Ferrante 1981; Brancacci 1985.

- Ferrante, D. 1981: *La semantica di logos in Dione Crisostomo alla luce del contrasto tra retorica e filosofia*. Naples.
- Flinterman, J.–J. 2000–2001: “... largely fictions ...”: *Aelius Aristides on Plato’s dialogue*. In: *Ancient narrative*. Vol. 1, 32–54.
- Frolov, E. D. 2013 (ed.): *Isokrat. Protiv sopfistov*. In: *Isokrat. Malye atticheskije oratory. Rechi. Pisma*. [Isocrates. Against sophists. In: *Isocrates. Lesser Attic orators. Speeches, letters*]. Moscow.
- Glaeson, M.W. 1995: *Making men: Sophists and self-presentation in Ancient Rome*. Princeton.
- Goldhill, S. (ed.) 2001: *Being Greek under Rome: cultural identity, the Second Sophistic and the development of empire*. Cambridge.
- Gunderson, E. 2000: *Staging masculinity: The rhetoric of performance in the Roman World*. Michigan.
- Koolmeister, R., Tallmeister, T. 1981: *An index to Dio Chrysostomus*. Uppsala.
- Korenjak, M. (hrsg.) 2000: *Publikum und Redner: Ihre Interaktion in der sophistischen Rhetorik der Kaiserzeit*. München.
- Korenjak, M. 2012: Conversing with prosperity: Hermogenes, Aristides and sophistic φιλοτιμία. In: G. Roskam, M. de Pourco and L. van der Stockt (eds.). *The lash of the ambition: Plutarch, imperial Greek literature and dynamics of philotimia*. Louvain; Namur; Paris; Walpole, 253–266.
- Losev, A.F. 1979: *Ellinisticheskii-rimskaya estetika I–II vekov* [Hellenistic-Roman aesthetics of the I–II A.D.]. Moscow.
- Menschung, E. (hrsg.) 1963: *Favorin von Arelate. Memorabilien und Omnigena historia*. Berlin.
- Mesk, J. 1920–1921: Zur elften Rede des Dio von Prusa. *Wiener Studien: Zeitschrift für klassische Philologie und Patristik*. 42, 115–124.
- Nahov, I. M. 1976: Kinizm Diona Hrisostoma [Cynicism of Dio Chrysostom]. *Voprosy klassicheskoy filologii* [The Questions of Classical Philology]. VI, 46–104.
- Norden, E. 1898: *Die antike Kunstprosa*. Bd. 1. Leipzig.
- Russell, D. A. (ed.) 1992: *Dio Chrysostom. Orations VII, XII and XXXVI*. Cambridge.
- Russel, D. A., Trapp, M., Nesselrath, N.-G. (eds.) 2016: *In praise of Asclepius. Aelius Aristides. Selected prose hymns*. Tübingen.
- Schmid, W. 1889: *Der Atticismus in seinen Hauptvertretern von Dionysios von Halicarnass bis auf den zweiten Philostratus*. Bd. 2. Stuttgart.
- Schmitz, T. 1997: *Bildung und Macht: zur sozialen und politischen Funktion der zweiten Sophistik in der griechischen Welt der Kaiserzeit*. München.
- Stanton, G. R. 1973: Sophists and philosophers: Problems of classifications. *The American Journal of Philology* 94, 350–364.
- Szarmach, M. 1977: Les Discours diogeniens de Dion de Pruse. *Eos* 65, 77–90.

- Szarmach, M. 1978: Les “Discours Troyen” de Dion de Pruse. *Eos* 66, 195–202.
- Thesaurus Linguae Graecae. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu> (дата обращения 5. 09. 2020).
- Trapp, M. 2012: *Dio Chrysostom and the value of prestige*. In: G. Roskam, M. de Pourco and L. van der Stockt (eds.). *The lash of the ambition: Plutarch, imperial Greek literature and dynamics of philotimia*. Louvain–Namur–Paris–Walpole. P. 119–142.
- Trapp, M. 2020: With all due respect to Plato: The Platonic Orations of Aelius Aristides. *Transactions and proceedings of the American Philological Association* 150, 85–113.
- Van Groningen, B. A. 1965: General literary tendencies in the second century A. D. *Mnemosyne* 18, 41–56.
- Vickers, B. 1988: *In defense of rhetoric*. Oxford.
- Walker, S., Cameron, A. (eds.) 1989: *The Greek Renaissance in the Roman Empire*. London.
- Whitmarsh, T. 2005: *The Second Sophistic*. Oxford.